

фантастическая
история

Книги Константина Калбазова
в серии «Фантастическая История»

РОСИЧ. КОНЦЕРН
РОСИЧ. И ПРИШЕЛ С ГРОЗОЙ ВОЕННОЙ...

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Константин Калбазов

РОСИЧ.
И пришел с грозой
военной...

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Калбазов К. Г.
К17 Росич. И пришел с грозой военной...: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 314 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1119-1

Пять лет... Пять долгих и вместе с тем стремительных лет трое друзей, неожиданно для себя оказавшиеся в России накануне Русско-японской войны, готовились к неизбежной войне. За это время они не раз преступали закон, не гнушаясь тяжкими преступлениями, они поставили в заклад свои жизни ради одной только цели — переломить ход истории, заставить ее изменить намеченный курс. Но достанет ли у них сил? Насколько они хорошо подготовились? Захочет ли старуха-история уступить или прокатится катком по тем, кто решил ей перечить? Все, что могли, они уже сделали, а дальше, как говорится, война план покажет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1119-1

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

— Разрешите, Сергей Владимирович?

— Да-да, конечно, проходите, Роман Викторович. Что-то случилось?

— Об этом я хотел спросить у вас. Вы сегодня какой-то сам не свой.

— Неужели так заметно? Знаете, Роман Викторович, наверное, сказывается разлука с семьей. Мы с Аней ведь не расставались надолго, да и то если я куда и отлучался, то недалеко — знал, что смогу вернуться быстро, а тут...

Звонарев не обманывал собеседника. Впрочем, тот это прекрасно знал. Так уж сложилось, что в их тройке друзей он никогда не покидал Владивостока, если не считать его поездок по окрестностям.

Однако не озвученная инженеру причина была виной его угнетенного состояния. Сегодня было двадцать шестое января 1904 года. Никто в России, разве только кроме японских шпионов, да и то далеко не всех, не знал о том, что японский императорский флот в настоящий момент движется к Порт-Артуру, чтобы атаковать русскую эскадру, стоящую на внешнем рейде. Никто. Кроме трех человек.

Это случилось летом 1998 года. Да-да, здесь нет никакой ошибки. Летним вечером в одном из владивостокских ресторанчиков Звонарев встретил своего однокашника Песчанина Антона, который был вместе со своим подчиненным и другом Гавриловым Семеном. Вместе они изрядно приняли на грудь, и тогда выяснилось, что Звонарев увлекается паранормальными явлениями. По пьяному делу он рассказал, что на одном из пустырей Владивостока располагается самая что ни на есть аномальная зона. Как известно, пьяному

море по колено — вот так они и оказались на том злосчастном пустыре, а в результате непонятого явления умудрились пропутешествовать во времени, вернувшись назад на сто лет.

Так уж сложилось, что друзья решили вмешаться в ход истории и постараться предотвратить поражение России в грядущей русско-японской войне. Звонарев выступил против этой затеи, но, не желая терять друзей, вынужден был согласиться участвовать в этой аванюре, сразу оговорив то, что будет заниматься только организацией разработок новинок, которые должны будут обеспечить России преимущество.

За эти пять с половиной лет друзьям пришлось совершить многое. Они переступили через убийство, занимались шулерством, стали казнокрадами и фальшивомонетчиками, превратились в промышленников и золотодобытчиков. За этот срок им удалось создать концерн, который превратился в настоящего экономического монстра на Дальнем Востоке, во многом задающего тон местной экономике. Но все это время они неуклонно двигались только в одном направлении: готовились к неминуемой войне. В созданном ими НИИ во Владивостоке были уже готовы многие разработки, и немало уже воплощено в металле. И вот настал этот день.

У Песчанина, лидера их тройки, были опасения, что привнесенные ими в этот мир новшества могут оказать влияние как на состав кораблей, так и на сроки самой войны. Но насколько было известно друзьям, в составе флотов никаких изменений не произошло, мало того — все шло в соответствии с известной им историей. Старушка никак не хотела уступать своих позиций. Благодаря введенному в судостроение пневматическому инструменту на десятки лет раньше удалось значительно ускорить постройку корпусов судов, но так уж вышло, что смежники все же не успевали за этим рывком. Из-за запаздывания с постройкой начинки и вооружения строительство кораблей, по большому счету, осталось на прежнем уровне.

Такая же ситуация была и на угольных шахтах, так как, повысив производительность труда шахтеров за счет отбойных молотков, многие не спешили модернизировать оста-

льное оборудование, а только совокупность модернизации могла повлечь повышение объемов добычи. Те, кто это уже понял и начал модернизацию, неизменно оставались в выигрыше, но таких оказалось не так чтобы и много. Что поделать, большинство из дельцов хотят получать максимум выгоды при минимуме затрат, а скупой, как известно...

Опять же нельзя сказать, что концерну в полной мере удалось удовлетворить спрос на отбойные молотки в их различных модификациях. Нет, их завод работал на полную мощность, в заказах недостатка не было, но удовлетворить весь спрос они не могли просто физически. Неоднократно к ним обращались с просьбами о продаже лицензии на производство, но каждый раз просящие, недоумевающе пожимая плечами, наталкивались на категоричный отказ. Друзья боялись, что чрезмерное производство этого инструмента уже само по себе сможет сказаться на постройке кораблей и начать менять историю. То же, что успевали производить они, было всего лишь каплей в море, тем более что они всячески старались «размазать» производимое ими оборудование тонким слоем по всему миру, не берясь за слишком большие заказы. Относительно крупный заказ был сделан для Японии, но это если смотреть по ограниченному производству в начале деятельности. Надо заметить, что это была инициатива Звонарева, которая едва не стоила им дружбы. Больше в подобные авантюры Сергей старался не вступать.

Появился новый метод, который также мог значительно ускорить, а главное — облегчить корабли класса миноносцев. Сварные корпуса, которые поначалу в Нижнем выходили несколько неказистыми, наконец обрели достаточное качество и прочность. Но опять-таки не получили большого распространения, а вернее, вообще никакого, так как оказалось, что стоимость такого судна чуть ли не на тридцать процентов выше, нежели клепаного. Что делать, электроды оказались не такими уж и дешевыми ввиду ограниченности сбыта и несовершенства производства. Но в Нижнем Калашников сейчас уже всю налаживал производство как сварочных аппаратов, так и электродов. Модернизировав благодаря подсказке из владивостокского НИИ свой сварочный аппарат и используя предложенную конструкцию

электродов, он увидел большой потенциал этого не такого уж и нового, но оставшегося в стороне метода. Во всяком случае, все его котлы изготавливались именно с применением электросварки.

Здесь опять все сложилось для друзей не очень просто, так как им всякий раз приходилось компенсировать завышенную цену на изготавливаемые сварные корпуса. Конечно, перерасход средств немалый, но не неоправданный. За это время им удалось наработать технологию, подготовить кадры, усовершенствовать сам агрегат, так что положительная динамика имела место, а значит, не все так уж и напрасно.

Вообще-то Звонарев не планировал влезать в дела, связанные непосредственно с происходящими событиями, — его стезей было обеспечение эффективности действий друзей. Но так уж сложилось, что свалившая Песчанина лихорадка еще не до конца выпустила его из своих крепких объятий. Он, конечно, уже был на ногах, но врачи не рекомендовали ему пока перенапрягаться. Памятуя о предстоящих событиях, Антон все же решил себя поберечь и полностью оправиться после болезни. С другой стороны, было бы совсем не по-товарищески сейчас вырывать его из Владивостока — что ни говори, но все шло к свадьбе, а это дело такое... Жены Звонарева и Гаврилова довели до конца задумку по женитьбе своего любимца. В самом скором времени эта история должна была прийти к логическому завершению.

Гаврилов в настоящий момент вообще находился неизвестно где, убыв на купленной год назад яхте. В ней была произведена кое-какая модернизация, что несомненно указывало на использование ее в качестве диверсионного судна. Оснащение Семена и его людей — это вообще была песня. Оно производилось в течение двух лет, так как в первый год в различные фирмы Европы и России были представлены чертежи различных частей и механизмов, а уже во Владивостоке производилась сборка, причем в сборке принимали участие только сами провалившиеся во времени и бойцы Семена. Так уж сложилось, но о применении боевых пловцов не должны были знать даже представители русского командования. Это должно было остаться тайной за се-

мью печатями. Песчанин справедливо полагал, что если не удастся предотвратить русско-японскую войну, то не помешало бы нанести весьма ощутимый удар в первые же дни. Так что акций с участием боевых пловцов планировалось не так чтобы много, но удары должны были быть весьма ощутимыми. Где именно Гаврилов должен был нанести свой первый удар, Сергей не знал: ему было известно только то, что Семен будет в Порт-Артуре до середины февраля.

Вот и вышло, что Звонарев сейчас находился не подле своей семьи, а на Квантуне, осуществляя надсмотр за всем тем, что творится в Порт-Артуре. Там, конечно, и Зимов управился бы, да вот только не все можно было доверить Роману Викторовичу: кое-какие действия требовали присутствия кого-либо из провалившихся во времени.

И вот теперь он сидел в своем кабинете на территории завода в Порт-Артуре и предавался мрачным размышлениям о грядущем. Ситуация накалялась день ото дня, японское правительство вело себя с каждым разом все более вызывающе. Сегодня в Порт-Артуре и Дальнем вовсю шла погрузка представителей японского населения. Колония прекращала свое существование в одночасье, причем произошло это именно так, как и рассказывал Антон, прекрасно осведомленный о хронологии событий. Казалось бы, должен был сработать «эффект бабочки», то есть в результате действий друзей должны начаться изменения, но если они и произошли, то им об этом не было известно ничего. В Чемульпо так же несли службу стационаров «Варяг» и «Кореец», в Шанхае находился «Маньчжур», «Сивуч» стоял в Инкоу, эскадра расположилась на внешнем рейде, как и в известной истории, не предприняв никаких противоминных мероприятий.

Звонареву стоило больших усилий, чтобы не вмешаться в ход событий. Конечно, кто его будет слушать? Но с другой стороны, заронить сомнения в души командиров, и, чем черт не шутит, может, они в качестве личной инициативы решат выставить противоминные сети, а команды эсминцев будут куда более внимательны? Хотя... Сомнительно это. Вот и оставалось только ждать, стиснув зубы.

Песчанин строго-настрого запретил Сергею вмешиваться в ход событий. Понятно, что, останься жив адмирал Макаров, и история уже бесповоротно вильнет в другую струю, в этом Антон был убежден, а друзья соглашались с ним. Беспокойный адмирал был личностью неординарной и энергичной. За непродолжительный срок своего командования эскадрой он сумел поднять уровень боевой подготовки, так что останься он жив — и старушке-истории пришлось бы ой как непросто.

На складе завода в Порт-Артуре сейчас спокойно лежали два новейших трала, которые должны были появиться только через десять лет. Так называемые параван-охранители. Только их применение должно было во многом свести на нет операции японцев по минированию окрестностей крепости и, скорее всего, сберегло бы подорвавшийся на mine броненосец «Петропавловск», при гибели которого и погиб прославленный адмирал.

Но, воплощая принятое сообща решение, Звонарев вынужден был не задействовать новинку. Вообще много чего должно было быть задействованным только летом. К этому сроку, как считал Песчанин, уже в достаточной мере вскроются все недостатки как в армии, так и на флоте.

Дело клонилось к закату. Вот уже три дня японский флот перехватывает российские коммерческие суда, чтобы те не подали вестей о выходе в море флота потенциального противника. Именно в этот момент основные силы соединенного флота под командованием адмирала Того уже находятся у острова Роунд, а три дивизиона эсминцев в десять вымпелов уже взяли курс на Порт-Артур. Два дивизиона идут к Дальнему, так как у Того нет абсолютной уверенности в том, что русские корабли находятся именно на рейде крепости. Все это происходит, если своенравная старушка все еще продолжает гнуть свою линию. Осталось недолго — скоро он все это узнает. Господи, как же тяжело — знать и не иметь возможности предотвратить гибель русских моряков. Как много можно было бы сделать, но в то же время поделаться ничем нельзя, потому что он никто и звать его никак.

Звонарев вновь тяжело вздохнул. А может, ну его? Взять Романа Викторовича — и закатиться в ресторан. Устроить,

так сказать, пир во время чумы. А почему бы и нет? Раз уж нельзя ничего поделывать, то напиток ему никто не запретит. Вон в морском собрании сейчас стоит такое веселье — как-никак наместник устраивает бал.

Однако эта мысль мелькнула и бесследно пропала. Ну хоть что-то он ведь может сделать! Понятно, что Антон запретил вмешиваться в ход событий и они с ним согласились. Никакого вмешательства до июля: только наблюдение. Но с другой-то стороны, если ему, к примеру, удастся спасти военный транспорт «Маньчжурия», то это не повлечет никаких глобальных изменений, просто у эскадры в Порт-Артуре появятся дополнительный боекомплект, радиостанции и парк аэростатов... Впрочем, четыре воздушных шарика с необходимым оборудованием друзьями были уже подготовлены и хранились на складе. В конце концов, это может пригодиться в последующем. Там всего-то надо убедить капитана отвернуть к западу и подойти не с юго-востока, а с юго-запада.

Как это сделать? Да просто. Со строительством миноносцев вышел, конечно, затор — кредитов быстро выбить не удалось, опять же с покупками лицензий никто особо не торопился, даже на отбойные молотки: уж очень настораживал тот факт, что их применение не повлекло особых прибылей. Про гирокомпас и говорить нечего. Проверка этого устройства была всесторонней, тщательной и заняла не меньше месяца, потом пока государства приняли решения... Так что с закладкой серии вышла задержка. Но в настоящее время на двух корабликах начались ходовые испытания. Правда, чтобы не привлекать особого внимания, все миноносцы были без названий, а имели только порядковые номера — «ноль-два», на всех миноносцах один и тот же, — понятное дело, что на стоянке в акватории завода номера были разные, но, выходя в море, они имели только один. Поэтому всем было известно, что в строй вступал второй из пляды «росичей», у которого раз за разом выявлялись различные неполадки, а потому нередко он возвращался, едва волочась. Были и те, кто удивлялся такому положению дел: ведь головной сторожевой корабль вполне себе оказался работоспособным, но их заверяли, что это не так и что «Ро-

сич» сейчас неисправен и стоит на приколе в Магадане, вмерзнув в лед.

На самом деле все было не так, и оба сторожевика показывали себя с хорошей стороны — не без неполадок, но тут уж обычное дело и ничего критичного. В самое ближайшее время должны были начаться ходовые испытания оставшихся двух, но этим пока придется тыкаться по артурской луже — нечего было и думать, что им позволят выходить в море с началом боевых действий. К сожалению, к началу войны полностью подготовить их не успели. С другой стороны, на заводе уже строились четыре их систершипа, которые при благоприятном стечении обстоятельств можно было бы ввести в строй уже в июне. Все комплектующие были уже доставлены. Понятное дело, что такая постройка дороговата, ну да по-другому не получалось: Дальний Восток — он и есть дальний, здесь все дорого.

Трудностей с выходом из Артура в общем-то не было. В море сейчас выпустят без проблем — а с какой, собственно говоря, стати не выпустить, ведь не военное положение. Кораблик сейчас только на подогреве, ну да за полчаса всяко-разно пары разведут, команда только одна... Ну здесь понятно: не содержать же здесь полный штат, для обкатки достаточно и одного экипажа. Люди сейчас в общежитии, дисциплина почти как на военном корабле... Да пошло оно все.

Звонарев поднял трубку и резко прокрутил пару раз ручкой — на коммутаторе тут же ответила девушка-телефонист. Использование телефонов оказалось весьма удобным, несмотря на то что нужно было содержать штат телефонисток и двух ремонтников, поэтому порт-артурский завод также был обеспечен современной связью.

— Оленька, соедините меня с номером два-один. Андрей Андреевич, очень хорошо, что я вас застал дома. — Дом — это несколько преувеличено, скорее, отдельная комната в общежитии, как и у всего руководства завода, — своими домами здесь пока еще не обзавелись. В первую очередь ставились общежития для рабочих и руководства, к строительству же городка только приступили, но сначала жильем должно было обеспечить рабочих. К этой политике концерна руководящее звено отнеслось с пониманием — вот и ютились

сейчас пока по комнатам с совмещенными санузлами. Ну да не до жиру. — Который из кораблей сейчас под парами?

— Никакой. Оба на подогреве. Но если есть необходимость, то «ноль-третий» через полчаса будет готов к выходу. — В своей среде миноносцы назывались по реальным номерам, иначе и запутаться недолго.

— Озаботьтесь, Андрей Андреевич.

— А к чему такая спешка, поинтересоваться можно?

— Ничего особенного. Просто ночной выход. Ночь обещает быть темной. Прогуляемся до Элиота, заодно и проверим турбины на разных режимах — «ноль-третий» у нас ведь практически не обкатан. Опять же проверим гирокомпас, а то установить установили, но в ночное время так ни разу и не проверили, да и гидрофоны... вроде с ними были какие-то проблемы. Опять же посмотрим, как поведут себя турбины при полной выкладке.

Все это было не лишено смысла, так как по непонятной для Панина причине истинные характеристики сторожевиков содержались в секрете. Полные ходовые испытания проходили либо вне поля зрения других судов, либо ночью. Но с другой стороны, это его не касалось, так как при подписании контракта в нем черным по белому были прописаны пункты о неразглашении коммерческих тайн, и этот контракт им был подписан. С ним от начала и до конца были честны, а раз так, то и ему не след нарушать договор.

— Да, это так.

— Вот и замечательно.

— Я понял, Сергей Владимирович. — Вообще-то он ничего не понял, и это было заметно по его голосу. Ну и пусть его.

— Не понимаю я вашей перемены настроения, Сергей Владимирович. Вот только что были подавлены — и вдруг словно преобразились, стали каким-то возбужденным и целеустремленным, — недоумевая пожал плечами Зимов, когда Звонарев положил трубку.

— Чего же тут удивительного? Напала хандра, грусть-печаль. Да такое желание напиться, что удержу никакого. А вот выйду в море — и враз полегчает. Я хотя и сугубо сухопутный человек, но море люблю.

— Знаете, у меня сложилось такое впечатление, что вы чего-то ждете этак с нетерпением и в то же время боитесь этого. Вот такое вот двойственное чувство.

— Выбросьте из головы, Роман Викторович. А не хотите ли прогуляться вместе со мной? Встретим рассвет в море — то еще чувство.

— Вы забыли, что я весьма продолжительное время провёл в море, пока добирался из Одессы до Владивостока.

— И что? Неужели оно не произвело на вас никакого впечатления?

— Отчего же. Произвело. И эдакое, неизгладимое.

— Ну так как?

— А давайте.

С рейда их выпустили без проблем, хотя и было видно, что эскадра находится в постоянном напряжении. С одной стороны, вроде и маяк не погашен, и на кораблях нет полного затемнения, но вот чувствуется напряжение, и все тут.

Ночь выдалась очень темной — не помогала даже ночная оптика с прямо-таки огромными линзами. «Ноль-третий» шел экономичным ходом в двенадцать узлов, используя только машину: что ни говори, но промышленные турбины для корабля не очень подходили, так как могли работать только в двух режимах. Средний, при котором катер, а в своем кругу друзья называли свои детища только катерами, так как они для них ими по сути и являлись, давал двадцать пять узлов, и полный, когда он буквально взмывал носом над водой, выдавая тридцать пять. Сейчас «ноль-третий» был способен выдать и все тридцать семь, так как был максимально облегчен, лишенный какого-либо вооружения — разве только две спарки пулеметов Горского. Что ни говори, но вооружение так себе, никакое в общем-то вооружение, но и без него никак. В море может случиться что угодно и где угодно. Здесь не Карибское пятнадцатого века, но тоже имеются пираты, так что какое-никакое оружие иметь надо бы, а двух пулеметов для местных флибустьеров — за глаза.

— Сергей Владимирович, мы уже полчаса идем экономическим ходом, прикажете увеличить ход?

Звонарев и Зимов находились на ходовом мостике. Хотя что тут делать? Вокруг тьма египетская — хоть глаз выколи. Ан нет, торчит на ходовом мостике и еще и инженера, своего первейшего сподвижника, приволок.

— Андрей Андреевич, прикажите застопорить ход. Приступаем к отработке поиска кораблей вероятного противника в данном квадрате.

Ага, кое-что начинает проясняться. Стало быть, это не просто выход с целью проверки состояния механизмов, а полноценный учебный поход. Господи, сколько уже мазута сожгли на этих выходах, это же просто жуть. Но, как видно, эти учредители концерна что-то знают, раз уж им не жаль выбрасывать в трубу свои деньги.

Панин знал, что, несмотря на то что эти кораблики заявлены как малые сторожевые корабли для промысловой стражи, по сути они являлись самыми настоящими миноносцами, да еще и какими. Он не был военным моряком — как говорится, происхождением не вышел, а потому служил на гражданских судах, — но составить себе представление, на что способны эти — да какие там сторожевики, самые натуральные миноносцы, — имел. Скорость, маневренность, мощное вооружение. Две семидесятипятимиллиметровые пушки вполне позволяли выступать на равных с миноносцами противника, новый затвор позволял выдавать просто немыслимую скорострельность в сравнении со старым — успевай только снаряды подносить, что вполне компенсировало малое количество артиллерии. Четыре минных аппарата давали возможность вести залповую стрельбу, увеличивая шансы на поражение цели. Недостатком было то, что они могли выстреливаться только строго по курсу, но скорость и маневренность вполне это компенсировали. Известные ему самые быстроходные эсминцы были в состоянии выдавать едва тридцать узлов, когда этот при полной загрузке мог дать все тридцать пять, причем не номинально, а вполне реально. Нет, с «ноль-третьим» пока не все было понятно, но «ноль-второй» вполне способен на это, и в этом он убедился лично.

Сейчас на сторожевиках не было установлено вооружения. Как пояснил Сергей Владимирович, они хотели сначала

ла довести корабли до ума, так как головной выказал весьма своенравный характер и, хотя уже был принят Приамурским департаментом государственных имуществ, в настоящее время стоит неисправным, вмерзшим во льды Охотского моря. Нет, этот департамент не мог себе позволить закупить этакий корабль: максимум, на что они могли замахнуться, — это уж совсем малые катера водоизмещением до семидесяти тонн и уж точно без артиллерийского вооружения. Но тут проявил себя концерн, вдруг решивший внести добровольное пожертвование в виде малого сторожевого корабля. Кто же откажется от дармовщинки! Вот и получили чиновники свой сторожевик. Понятно, что учредители концерна пеклись о своей выгоде, — что ни говори, но их рыбная отрасль росла год от года, и конкуренты в виде браконьеров, хоть японских, хоть американских, им были ни к чему, но кто будет содержать такое количество экипажей? Ведь пять кораблей, по сути, были уже готовы, на верфи полным ходом шло строительство еще четырех. Да только кто же закупит их у концерна, если только один обходится больше чем в триста тысяч? Департаменту и одного не потянуть. Опять же предусмотрена возможность для установки минных аппаратов. Скорее всего, учитывалась возможность использования их в качестве миноносцев на случай войны. Но все едино как-то не срасталось. А эта секретность по поводу ввода в строй? Ведь скрывают от всех. Всем всячески показывают, насколько несовершенны машинно-котельные установки, но на деле это не так. Панин очень сомневался, что вооруженный сейчас артиллерией головной «Росич» стоит на приколе из-за поломок. Нет, то, что он вмерз во льды, Панин допускал, но наличие фатальных поломок... Не верил он в это, потому как не в первый раз выводит в море уже второй его систершип.

С другой стороны, назвать учредителей концерна дураками у него не поворачивался язык. Дураки не ворочают такими деньгами. А потом, их дурость в его понимании заключалась только в этом непонятном проекте со сторожевыми кораблями, которых по такой цене у них никто и никогда не купит. Было еще много чего непонятного — эта повальная секретность. Он уже больше года как подписал

контракт, но и понятия не имел, что происходит в областях, не касающихся его служебных обязанностей. Да и пропади все пропадом. В конце концов, зачем забивать себе голову — сами разберутся, а его дело маленькое.

Приказ Звонаревым отдан. Вот же сподобился — на палубе корабля, где он царь и бог, ему отдают приказы. Нет, судовладельцам на палубе не место — прав был его наставник, высказавший эту мысль в те времена, когда он мирно ходил на торговце, тысячу раз прав. Но никуда не денешься. Значит, будем отрабатывать этот квадрат.

Еще одно нововведение этих умников из концерна. Все Желтое море было детально картографировано. Нет, ну куда им девать деньги! Мало того — было разбито на квадраты. Очень удобно. А если речь идет о военных морях... Эту их прихоть назвать глупой он никак не мог. Вот только опять все в секрете. Да сколько же секретов у них?

Панин взял телефон прямой связи с машинным отделением. Вот так вот: этот кораблик был напичкан телефонами, как булка изюмом. Но удобно. Вот ей-ей, удобно. Хотя и дорого. Да что же это, дались ему эти деньги — ведь не его же!

— Машина, стоп. — Другой телефон: — Акустик, начать отработку района. Доклад обо всех обнаруженных судах и кораблях.

Вот аппарат так аппарат — до пяти миль способен улавливать шумы винтов, мало того: с его помощью можно определить тип цели, направление и примерное расстояние. Понятно, что так можно определять местоположение браконьеров, вот только большинство из них ходят под парусом на шхунах. Так. Стоп. Хватит.

— Есть. — Это акустик.

Ждем доклада, продвигаемся на другой участок и повторяем.

Вот и ладно. Если обнаружится судно... Хотя кой черт тут обнаружится — не видно никаких ходовых огней, гидрофоны только на пять миль работают, а при работающих машинах и вовсе глохнут. Ну да не суть. Если обнаружится судно, то впоследствии учебная минная атака. После условной атаки корабль отвернет в сторону или пройдет под кормой. Если их

обнаружат, то вахта на судне обматерит их последними словами, в смысле световым семафором по международному коду — стало быть, атака неудачная, — если нет, то все в порядке. Военные корабли они также обнаруживали, но даже не пытались к ним приближаться. Бог весть что там этим морячкам покажется, еще саданут из орудий, а оно им надо?

Зазуммерил телефон акустика:

— Мостик.

— Господин капитан, по пеленгу сто двадцать пять обнаружена цель. Цель групповая, однотипная. Предполагаю миноносцы. Дистанция средняя.

— Пеленг сто двадцать пять, цель групповая, однотипная, предположительно миноносцы, дистанция средняя. Принял.

Дальняя дистанция предполагает расстояние от пяти до трех миль, средняя — от трех до мили, малая — ну это понятно. Панин вооружается другим телефоном и связывается с сигнальщиком, который осматривает горизонт в ночную оптику.

— Сигнальщик, пеленг сто двадцать пять. Доклад по цели.

— Есть, пеленг сто двадцать пять. Доклад по цели. — И через несколько секунд: — Господин капитан, цель не обнаружена.

— Принял.

— Что там, Андрей Андреевич?

— Непонятно, Сергей Владимирович. Акустик докладывает об обнаружении группы кораблей, предположительно миноносцев, но те, как видно, идут без ходовых огней, визуально обнаружить не удалось. Что все это значит, черт возьми? — Вопрос риторический, так как получить ответа он не рассчитывает.

— Не поминайте на ночь глядя, — автоматически проговорил Звонарев. С чего бы это? Вроде никогда суеверным не был. А тут поди ж ты... Да станешь тут суеверным, вон страх как сковал все нутро — аж дышать трудно стало. Значит, все же началось. Спокойно. — Андрей Андреевич, разворачиваемся и уходим к Артуру. Только, думаю, не стоит приближаться, держитесь в стороне.

— Вы думаете...

— Все возможно.

— Нам следует...

— Вот только давайте не будем изображать из себя героев, — оборвал Сергей капитана на полуслове. — Есть флот — это их работа. А потом, кто знает, что там на самом деле происходит. Может, это наши миноносцы. Но в любом случае ночью я к ним приближаться не намерен. Выходите на траверз Артура эдак милях в десяти.

— Есть.

Нет, Сергей не был трусом: не хотел участвовать в авантюре, которая, на его взгляд, была не только опасна, но еще и бесполезна, это да. Сказать, что он боялся? Понятно, что ничего не бояться только умалишенные, но не страх стоял во главе его решения. Он всегда был слаб физически, но никто и никогда не причислял его к трусливому десятку. Вот и сейчас ему было страшно, но не это заставило его принять такое решение. Во-первых, история действительно могла пойти по иному сценарию, и уж как минимум могла измениться дата начала войны, а следовательно, это могли оказаться русские миноносцы — что ни говори, но служба-то неслась. Во-вторых, «ноль-третий» был лишен вооружения — на борту имелись только два спаренных пулемета, разработанных специально для этих кораблей, а потому встреча с противником была чревата, а потом, всегда существовала опасность, что их примут за этого самого противника, — а кому хочется оказаться под обстрелом?

Выйдя на траверз Порт-Артура, они вновь легли в дрейф. Акустик раз за разом прослушивал толщу воды, но гидрофоны ничего не фиксировали, вернее, были какие-то шумы, но определить, естественное у них происхождение или искусственное, было просто нереально: не тот уровень технологии.

Ближе к полуночи со стороны Порт-Артура донеслась канонада, сопровождаемая всполохами орудийных выстрелов. Канонада нарастала с каждым мгновением, наконец в эту какофонию добавились звуки орудий береговых батарей, и на обрывистом берегу, неразличимом с той точки, где стоял «ноль-третий», появились всполохи залпов. Канонада

длилась примерно полчаса, то затухая, то возобновляясь, а затем наступила тишина.

— И что это все значит? — Зимов выглядел потрясенным, впрочем, как и присутствующие здесь капитан и штурман.

— А это война, господа. — Сергей и сам удивился тому, насколько спокойно прозвучал его голос.

— Как так может быть? Ведь не было объявления войны! Так не происходит, ведь не в Средние века живем, — усомнился Роман Викторович дрожащим голосом.

— Как видите, происходит. Похоже, что обнаруженные нами миноносцы были японскими.

— А может, вы ошибаетесь? — Это уже Панин. Понятно. Трудно поверить, что вот еще меньше часа назад был мир — и вдруг в одно мгновение все встало с ног на голову.

— Разумеется, я ошибаюсь, а эта артиллерийская стрельба была просто праздничным салютом в честь дня Марии. Наместник перетанцевал на балу и решил: гулять так гулять. Стессель, чтобы угодить его квантунскому высочеству, приказал выдать несколько залпов береговой батарее, — зло бросил Звонарев.

— Что будем делать дальше? — Несмотря на взвинченное состояние Звонарева, Панин оставался совершенно спокойным. Да, у него были сомнения насчет начавшейся войны, но на его выдержке это никак не сказалось.

— Андрей Андреевич, думаю, нам не следует сейчас приближаться к порту, да и в Дальнем нам делать нечего: если это война, а это, скорее всего, именно так, то там наверняка появятся японские корабли. Давайте отойдем к юго-востоку.

Из головы Звонарева все же не шел транспорт «Маньчжурия»: очень уж хотелось, чтобы те запасы, что были на его борту, добрались по назначению. Как ни крути, а это и продовольствие, и боеприпасы, и опять же парк аэропланов — все это не помешало бы при обороне крепости, а как видно, осады не избежать. Ведь даже Макаров, несмотря на его способности, а может и благодаря им, не исключал возможности осады и уже с прибытием стал заострять внима-

ние на устройстве линии обороны на Цзиньчжоуском перешейке.

«Ноль-третий», выписывая зигзаги поиска, то ложился в дрейф, ощупывая гидрофоном толщу воды, то вновь приходил в движение, менял позицию — и все повторялось вновь. Если в Охотском море, довольно редко посещаемом судами, Песчанин в основном занимался боевой подготовкой, то здесь, в Желтом, основной упор делался на совершенствование навыков пользования именно гидрофонами — отрабатывались и систематизировались приемы поиска судов и кораблей, благо и тех и других в этой акватории хватало. Все это тщательно фиксировалось и сводилось в наставления по использованию. Одним словом, изделие планомерно готовили к широкому применению, поэтому здесь и находился один из создателей аппарата — второй, от греха, оставили во Владивостоке: не дело складывать все яйца в одну корзину.

— Есть контакт. Пеленг пятьдесят три. Множественные шумы винтов, предполагаю гражданские суда. Большая дальность, — проследовал доклад акустика, когда на востоке уж появилась начавшая сереть полоса. Множественные шумы — это дело такое: может, два, а может, и больше. Несовершенство оборудования и только нарабатываемый опыт не позволяли пока шагнуть вперед. Шаг будет сделан, но только позже — с появлением этого самого опыта, за который, возможно, придется заплатить дорогую цену, и кровью в том числе.

— Пеленг пятьдесят три, групповая цель, предположительно гражданские суда, большая дальность. Принял. — Панин положил трубку — и тут же звонок сигнальщику: — Пеленг пятьдесят три.

И через несколько секунд:

— Принял. Сергей Владимирович, обнаружены два пархода, по контурам похожи на гражданские суда.

— Курс на сближение. Если наши, нужно предупредить.

— Есть.

Как и надеялся Звонарев, одним из парходов оказался военный транспорт «Маньчжурия». Долго размышлять над тем, что предпринять, он не стал. В конце концов, он во многом именно по этой причине оказался здесь. «Ноль-тре-

тий» сблизился с пароходом и пошел с ним параллельным курсом, почти вплотную, так что можно было говорить при помощи мегафона. Конечно, медная труба все одно заставляла напрягать голосовые связки — все же до изделий даже середины двадцатого века ему было далеко.

— Что вам угодно? — прозвучало с высокого борта парохода.

— С кем говорю? — прокричал в ответ Звонарев.

— Капитан парохода «Маньчжурия» Миронов!

— Срочно отворачивайте к западу и подходите к Артуру по большому кругу! Сегодня ночью японские миноносцы атаковали нашу эскадру на внешнем рейде и удалились куда-то в этом направлении, возможно, возвращались к главным силам! Если продолжите двигаться прежним курсом, то велика вероятность того, что повстречаетесь с японцами!

— Неплохо бы для начала представиться!

— Владелец этого судна, Звонарев Сергей Владимирович!

На лице Панина появилось кислое выражение. Оно конечно, вооружение отсутствует, но какое же это судно. Да что с них возьмешь — делец он и есть делец, никакого пиетета к военному кораблю.

— Насколько достоверна эта информация?

— Мы сами наблюдали бой на внешнем рейде, но приближаться не стали!

— Может, вам показалось?!

— Разумеется, показалось, и мы наблюдали салют в честь дня Марии! Вы можете меня послушать, а можете наплевать на мои слова, но только имейте в виду: если пароход попадет в руки японцев, я молчать не буду и сообщу, что предупредил вас! А теперь решение за вами!

Кто бы сомневался в решении капитана «Маньчжурии», к тому же, кроме незначительного перерасхода угля и потери пары часов в пути, ему это ничем не грозило. Второе судно, от греха подальше, проследовало за ним. Звонарев ощутил небывалый душевный подъем. Вот он каков: всего лишь один выход в море — и столь драгоценный для крепости груз спасен. Понятно, это не может являться определяющим, но уж и не так маловажно.

Однако долго радоваться ему не пришлось. Кто бы сомневался, что старуха не захочет вилить задом. Вот положено «Маньчжурии» оказаться призом японцев — и не замай. Уже давно рассвело, когда на горизонте появился дым. Ничего особенного, просто одинокий дым, который становился все отчетливее. Вскоре уже было понятно, что это одинокое судно, но еще чуть погодя благостное настроение словно ветром сдуло. Когда корабль принял хоть какие-то очертания, стало понятно, что это миноносец. Он слегка рыскал по курсу, имел ход не более десяти узлов, но это был военный корабль, и если поврежденный миноносец движется не к Артуру, а от него, то это могло означать только одно: флаг на нем развевался далеко не Андреевский. Мелькнула была надежда, что побитый японец не сможет преследовать транспорты, развившие полный ход, но надежда мелькнула и тут же погасла. Как ни избит оказался корабль, но развить достаточный ход, чтобы нагнать беглецов, он сумел. С японца просемафорили застопорить ход, по курсу ударил снаряд, подняв небольшой водяной столб, демонстрируя тем самым серьезность намерений. Ну что ты поделаешь! Что такое «не везет» и как с ним бороться. Корабли поспешили разделиться, не снижая хода, японец увязался за «Маньчжурией» — и Миронову пришлось-таки застопорить ход.

Все это время «ноль-третий» двигался, прикрывшись бортом «Маньчжурии», и о происходящем Звонарева информировал с его борта помощник капитана. Застопорил ход транспорт — застопорил и «ноль-третий», все еще не высовываясь из-за массивного корпуса. Объяснить, почему он действовал именно так, Сергей не мог и на все недоумевающие взгляды отвечал набычившись, словно обиженный ребенок. Вот только что все было в полном порядке, все шло как по нотам. Дивизион крейсеров Дэвы остался с носом — конечно, они и не знали, что должны были заполучить богатый приз, но он-то знал. Откуда взялся этот миноносец? Его не должно было быть здесь. Ведь после атаки оба дивизиона должны были уйти в Чемульпо, а русские были уже гораздо западнее их предполагаемого маршрута. Да, атака вышла разрозненной, да, последние два миноносца проводили свою атаку уже в одиночестве, отстав от своего отряда, но

маршрут отхода им был прекрасно известен. Да и времени уже прошло преизрядно, даже поврежденный «Оборо» должен был уже проковылять мимо этого места, и значительно восточнее. Так какого черта!

Нужно было уходить. Прикрывшись корпусом парохода, они вполне могли уйти за пределы огня японцев. Ну не вступать же в самом-то деле в единоборство с противником, имея на борту из вооружения только два пулемета и два маузера, которые были у Фролова и Васюкова: эти с оружием не расставались, разве только когда выходили в город, да и то под пиджаками неизменно носили по нагану. Что поделать, после восстания «боксеров» у них появилась какая-то фобия. Для чего он взял их с собой в этот раз, Сергей даже и не знал. Узнали о выходе в море, попросились, а что отказывать — парням и так скучно, хоть развеются.

Вот же зараза. Ну нет, старая, не все так просто. Накося, выкуси. Да, Звонарев хотел отсидеться в стороне, но вот что-то свербело внутри. Песчанин бился за своих погибших в прежней истории родных и за всех тех, кого погубит буря под названием Великая Октябрьская социалистическая революция. Гаврилов — за то, что из великой державы господ демократы превратили Россию в... В не пойми что и сбоку бантик. А ему-то за что биться? А за Родину. И пусть сейчас она неправа, пусть война эта с ее стороны несправедливая и захватническая — от этого она не перестает быть его Родиной, а ее, как известно, не выбирают — ее либо любят, либо предают, и третьего не дано.

— Фролов! — окликнул он мужчину, стоящего на палубе и тихо разговаривающего с Васюковым.

— Я, Сергей Владимирович.

— Поднимись-ка на мостик.

— Вы что-то задумали, Сергей Владимирович?

— Ничего особенного, Андрей Андреевич. Ничего особенного.

Все было неправильно. С самого начала все пошло наперекосяк. Сначала крейсер налетел на эсминец «Акебоно»,

который выбыл из строя и был взят на буксир. А уж с того момента, как в ночи появились огни маяка на Лаотяшане, точно все пошло как угодно, только не согласно разработанному плану. Два дивизиона эсминцев шли к Порт-Артуру двумя кильватерными колоннами. В это время вдали в небо взметнулся луч прожектора. Что это, гадать не приходилось: просто так в абсолютной черноте моря свет прожектора не появится. Наверняка русские миноносцы, идущие без ходовых огней: ни к чему они им при несении охранной службы. Японские моряки отреагировали на это мгновенно, погасив кормовые огни и отвернув в сторону, — вот тут-то это и произошло. Его корабль налетел на идущий впереди флагманский «Икадзучи» — проклятый сигнальщик с его «кошачьим зрением»! Флагман их дивизиона не пострадал, а вот у «Оборо» был поврежден форштевень. Ход упал до восьми узлов — больше давать было просто нельзя: вода захлестывала в пробоину.

Лейтенант Такемуро слышал, как его товарищи навалились на русских, он слышал взрывы торпед, выстрелы русской артиллерии, по внешнему рейду замечались огни прожекторов. Наконец канонада начала затихать — и тут вспыхнула с новой силой: еще один отряд достиг цели и начал свою атаку. Такемуро услышал еще один взрыв мины: проклятье, опять кому-то повезло. Нет, не проклятье, «БАНЗАЙ!!!». Вот только мало было этих взрывов — он насчитал только три. Плохо. Он мог отвернуть и уйти, никто его не обвинил бы в неисполнении долга: как атаковать противника, если лишился основного своего преимущества — скорости? Но командир «Оборо» и не думал отворачивать. Атака будет завершена, даже если ему суждено погибнуть. Разве не в этом долг моряка, офицера и, самое главное, самурая? Этот дух в нем не умрет до самого последнего вздоха. Вперед!

Затихшая было канонада разгорелась с новой силой. Вероятно, кто-то из его товарищей отстал и самостоятельно атаковал русских. Молодец, истинный самурай никогда не отступает. Он, Такемуро, ничем не уступит этому храбрецу.

«Оборо» наконец достиг внешнего рейда Артура и атаковал русский крейсер «Баян». Не повезло: мина прошла

мимо. Но видит богиня Аматерасу, он сделал все, что мог. Теперь оставалось только уходить в Чемульпо, а по пути хоть как-то отремонтироваться. Уже на отходе в миноносец попал русский снаряд, ранив самого Такемура и матросарулевого. Но это ничего. Раны — они приличествуют настоящему воину и самураю, а вот то, что разбило компас, — это уже хуже. При столкновении один из компасов уже был поврежден, и вот новая напасть. Можно бы остаться в виду берега, а потом как-нибудь сориентироваться, но нельзя: война уже началась, а остаться в русских водах — обречь эсминец и экипаж на гибель. Остается только выйти в открытое море и днем, сориентировавшись по дымам, либо выйти на свою эскадру, либо пристроиться к какому-нибудь судну.

Но, как видно, Аматерасу решила вознаградить его за крепкий самурайский дух, благодаря которому, несмотря на потерянный ход и повреждения, он все же провел атаку русских кораблей. Мина не достигла цели — и вот, вознаграждая его, она посылает сразу два русских парохода. Приказ остановиться, выстрел по курсу.

Они пытаются уйти, разделившись и выжимая все, на что способны их машины. За двумя зайцами не угнаться — нужно выбирать. Понятное дело, что он выбрал больший из транспортов, а про то, что это военные транспорты, он уже знает, едва ему удастся разобрать название и свериться со справочником. Пробоину худо-бедно с рассветом заделали, так что, хотя это и опасно, но «Оборо» увеличивает ход — и капитан транспорта, поняв, что ему не уйти, стопорит ход. Давно бы так. Жаль, что второй транспорт уходит, но, как говорится, нельзя получить все и сразу. «Оборо» приблизился практически вплотную к транспорту и лег в дрейф.

— Лег в дрейф, дистанция около четверти кабельтова, встал параллельно нам, орудия изготовлены к бою и наведены на нас. Спускают ял.

— Благодарю. Помните, Петр Федорович: как только мы обогнем ваш форштевень — сразу даете полный ход, о нас не думайте. С Богом. — Сергей убрал рупор: больше он ему не понадобится, а Миронов мужик вроде с понятием, не

подведет. Самим бы не опростоволоситься. — Фролов, Васюков?

— Готовы, Сергей Владимирович. — Оба бойца, а кто же еще-то, замерли у пулеметов, установленных на турелях, сосредоточенные, но ни страха, ни волнения: боевой опыт — это дело такое... Вон и голос Николая звучит ровно, словно на учениях.

— Роман Викторович?

— Не волнуйтесь, мы не подведем.

Зимов замер у лееров правого борта вместе с шестью матросами. Четверо по двое удерживают сюрреалистическую конструкцию — эдакий самодельный огнемет. Напор разогретого мазута и воздуха должен быть изрядным, поэтому каждый шланг должны удерживать по два человека в рукавицах. Сам огнемет — вообще песня. Багор, к которому наскоро прикрутили концы шлангов подачи мазута и воздуха, на конце приспособление для продувки форсунок — вот, собственно, и все. Поджечь струю должны будут еще два матроса — по одному на каждый огнемет, — у них в руках «машки», эдакие морские швабры, изготовленные из распущенных пеньковых канатов, они сейчас смочены топливом от катерного двигателя и вполне себе весело полыхают, ожидая момента, когда их используют. Все с бледными лицами, но вид решительный. Как говорится, на войне как на войне.

— Андрей Андреевич?

— Чего уж там. — Панин нервным движением погасил папиросу. — Поехали. — И в телефонную трубку: — Машина, самый полный. Пошли, славяне! — Это уже в полный голос, и не поймешь, кого подбадривает — себя или команду.

Вода за кормой вспенилась, словно в кипящем котле. «Ноль-третий» дернулся, а затем начал плавно набирать ход. Проклятье, корпус «Маньчжурии» не такой уж и большой, особо не разогнаться, ну да за неимением гербовой... Звонарев бросает взгляд на трубы. Дым есть — жидкий, но есть, с другой стороны, на фоне транспорта с его черными клубами — так себе дымок, не разглядят его японцы, мачта завалена, так что об их существовании они даже не догады-

ваются. Боже, неужели это делает он?! Звонарев вцепился правой рукой в ребристую рукоять маузера, позаимствованного у Васюкова. Бой предстоит накоротке, так что лишним всяко-разно не будет. Кобура уже пристегнута: из этой дуры просто так и не стрельнешь, так сподручнее. Второй маузер на всякий случай свисает с плеча Панина. Случись что, им предстоит помогать пулеметчикам отсюда, с ходового мостика.

Как и предполагали, набрать большой скорости не удалось, но тем не менее, когда огибали высокий нос парохода, все же они на его фоне как-то не смотрелись — эдакие Штепсель и Тарапунька, если не сказать больше. Получился изрядный крен на правый борт, и Звонарев даже бросил обеспокоенный взгляд на Зимова: все же Роман Викторович не моряк, — но ничего, вцепился в леера так, что костяшки побелели, но за борт вываливаться даже не думает. Взгляд на пулеметчиков — тоже люди сугубо сухопутные. Туристы, блин. Лиц не видно, но по позам видно, что если и бурлит в них адреналин, то дрожи ни в ногах, ни в руках. Ну да кто бы сомневался.

Японцы заметили катер. В первые мгновения опешили. Но пришли в себя весьма быстро. Носовое орудие пришло в движение, матросы спешно его перенацеливают, безошибочно определив опасность, исходящую от неведь откуда взявшегося кораблика. А не хрен лениться! Надо было сделать кружок вокруг приза — тогда и в штаны делать не пришлось бы, — а теперь поздно пить «боржоми», коли почки отказали.

— Не так быстро, уклунки! Филя, бей по ходовому мостику, потом от кормы к середине. Наше вам с кисточкой!

Пулемет Фролова выпустил длинную, злую очередь. Расстояние так себе, не больше полутора сотен шагов, так что свинцовый рой злобных ос влетает точно в группу у носового орудия, отдаваясь дробным звуком при попадании в щит. Прислуга не успела его повернуть, как была буквально скошена, наводчик и заряжающий попытались укрыться за щитом и всадить-таки снаряд в неизвестно откуда появившегося противника, но только расстояние так себе, а потому пули прошивают легкий щит и достают укрывшихся за

ним. Хороший все же пулемет разработал Горский. Разобравшись с оружейным расчетом, Фролов переносит огонь на группу, суetyающуюся у яла. От деревянного суденышка полетели щепки, люди падают на палубу, двое свалились за борт. Кто убит или ранен, а кто попадал от страха, не разберешь, но Николай ведет огонь уверенно, не суetyясь, так что, возможно, тех, кого он не задел, не так чтобы и много.

Пулемет Васюкова столь же уверенно и остервенело сечет пулями ходовой мостик, тут же обезлюдевший. Даже с такого расстояния, несмотря на дробный перестук пулеметов, слышно, как пули зло, с глухим звоном бьют о металл. Вот частично появляется правый борт миноносца, видна прислуга, суetyающаяся у орудий: быстро сориентировались, еще немного — и орудия заговорят. Калибр так себе, но им и этого за глаза: с такого расстояния не промажут. Не судьба. Васюков переносит огонь на них — и моряки пачками валяются на палубу и вываливаются прямо в море.

Обстрел в упор из двух пулеметов буквально не дает японцам поднять голов. На палубе никого, да и кто бы шевелился — тех раненых, кто подавал признаки жизни, пулеметчики без капли сомнений или сожалений попросту доби́ли. Никогда не оставляй за спиной недобитого противника — эту науку они запомнили раз и навсегда.

«Ноль-третий» встал борт о борт с японцем, расстояние — несколько метров. Молодец все же Панин: настоящий наездник для их скакунов. Иероглифов Сергей не знает, но, судя по повреждениям форштевня и тому, что ему известно из прошлой истории, это «Оборо». Насколько он знал из рассказов Антона, этот эсминец в числе погибших не числился. Что же, возможно, и уйдет, но не так просто. Его необходимо вывести из строя на как можно более долгий срок — иначе «Маньчжурии» не уйти, да и им, грешным, может достаться. Пока, слава богу, в них не произвели ни одного выстрела — не то что из орудия, но и из пистолета.

— Роман Викторович, начали!!!

Зимов кивает, быстро отирает выступивший на лице пот и подает команду матросам:

— Николай!!! — Это уже Фролову — говорить, что именно требуется, нет необходимости. И так понятно: чтобы никто из команды японца и носа не высунул. Но Сергею так спокойнее.

— Порядок, командир! — О как! Когда это он успел для них стать командиром? До сего момента такого обращения заслуживал только Гризли — даже Песчанина именовали не иначе как Антоном Сергеевичем. Растем, однако.

Вентили открыты, и из огнемета вырывается подогретый паром мазут, смешанный с воздухом, толкаемая насосом и компрессором распыленная смесь орошает надстройки, ходовой мостик, палубу, заливая все маслянистой пленкой, протекая вовнутрь через открытые люки и двери, обильно орошая тела и еще живых людей, прячущихся за надстройками по левому борту. Но это продолжается недолго, так как поднесенные к импровизированным соплам огнеметов факелы поджигают горячий мазут, — и вот на японцев льется уже не мазут, а две огненные струи. Подоженный и распыленный мазут не успевает сгорать до конца, падает на палубу и продолжает полыхать там, заодно поджигая и тот, что был пролит раньше. На миноносце слышатся вопли ужаса, те, кто нашел прикрытие от пуль за надстройками, не могут спастись от попадающего практически повсюду горящего мазута.

По палубе мечутся горящие моряки, вот поднялось два живых факела на мостике и, источая ужасающий крик, прыгают за борт, остальные, стараясь спастись или просто бездумно мечась, следуют их примеру, двое ослепленных нестерпимой болью мечутся по палубе, уже не отдавая себе отчета. Две злые и короткие пулеметные очереди прекращают их мучения. Матросы «ноль-третьего» едва не дают слабину от представшей страшной картины. Но злой окрик Звонарева все же останавливает их. Сам Звонарев держится на одной только злости — на самого себя. Это он виновник произошедшего, это его приказ сейчас выполняют моряки, но отступать он не намерен. Потом он напьется вусмерть, но это потом, а сейчас он просто не имеет права остановиться.

Сколько удалось вылить мазута на «Оборо», Сергей сказать затруднялся, но, наверное, никак не меньше тонны. Миноносец уже весь объят пламенем, в небо поднимается огромный черный столб дыма. Все, хватит. Такой пожар можно потушить, только полностью окунув корабль в море.

— Роман Викторович, достаточно!

Панин уже у штурвала — бледный как полотно, но держится молодцом. Кивок рулевому, на время отстраненному и сейчас держащему в руках телефонную трубку. Бледные губы нехотя размыкаются — и хриплый голос выдает едва ли не на истерической ноте:

— Машина, самый полный!

Опять закипает вода за кормой — и «ноль-третий» начинает движение. Сначала движется параллельно обреченному кораблю, потом, понемногу набирая ход, начинает отворачивать в сторону.

Они успели отойти от противника на расстояние чуть больше кабельтова, когда в носовой части «Оборо» выметнулся огонь и обломки корпуса. Не иначе раздосадованная старуха поспособствовала, чтобы огонь добрался до складированных в носовой части боевых частей торпед. А может, это рванули трехдюймовые снаряды. А чего вы от нее хотели? Она сбила его с курса, вывела точно на транспорт и практически безоружный русский сторожевик, чтобы даже в такой малости история не претерпела изменений, а его команда не смогла придумать ничего лучше, как не просто дать вырваться транспорту, но еще и позволить покуражиться над собой. Стоит ли удивляться, что старуха осерчала?

«Оборо» все еще был объят пламенем, когда его корма задралась вверх, обнажая винты, и миноносец словно нырнул в бездну. Только значительно позже стало известно, что никто из экипажа эсминца так и не был обнаружен. Ну да не они начали первыми, а в том, что отдачей зашибло, ни Звонарев, ни его спутники не виноваты. Только вот отпоить бы сейчас команду: на людей страшно смотреть.

Есть те, кто утверждает, что первые выстрелы в русско-японской войне были произведены канонерской лодкой

«Кореец» на рейде Чемульпо, который двадцать шестого января пытался покинуть порт, но дорогу ему заступили. Японцы утверждают, что в ответ на их действия, направленные на то, чтобы принудить русский корабль вернуться в порт, он ответил двумя орудийными выстрелами из тридцатисемимиллиметровой револьверной пушки, повредив при этом машину «Тсубаме». Правда, при этом они напрочь забывают упомянуть о трех торпедах, выпущенных перед этим в «Корейца», которые просто прошли мимо.

Другие говорят о том, что первые выстрелы были произведены на внешнем рейде Порт-Артура, по атакующим японским миноносцам. Правда, тут уж не стесняются отдать пальму первенства все же японцам, указывая на то, что русские ответили на выпущенные в них торпеды, причем уже после того, как две из них повредили «Ретвизиана» и «Цесаревича».

Ни с одним из этих утверждений Гаврилов спорить не собирался. Он просто знал. Знал, что пальма первенства, уж во всяком случае в этой, он смел надеяться, теперь уже новой, истории принадлежала не кому-то там, а ему и его ребятам. Как бы там Антон ни планировал их вступление в войну, но отказаться от возможности уменьшить военный потенциал Японии на парочку броненосных крейсеров новой постройки он не мог. Вот и был направлен в долгосрочную командировку Гаврилов.

Яхта «Светлана» провела в южных широтах полгода. Нашли тихий, уединенный и необитаемый островок — золотая, можно сказать, мечта безоблачного детства. Остров подошел во всех отношениях: здесь была и лагуна с ровным песчаным дном, лишенным какой-либо растительности, а стало быть, и ориентиров, что очень способствовало выработке навыков ориентирования под водой. И скалистый берег с неизменным прибоем — конечно, ему было далеко до тех волн, накатывающих на берег и столь любимых серфингистами, впрочем, эти пока еще не появились: идея оседлать волну вроде как имеется у каких-то туземных племен, но на этом пока и все. Но этот прибой вкупе со скалами как нельзя лучше подошел для тренировок и оттачивания навыков.